

**ДЕТЕКТИВ
В ОТПУСКЕ**

Пролог

Бывает так: спишь и видишь сон, что спишь. И видишь сон о том месте, где суша граничит с морем. Где гряда песчаных дюн кончается у самой воды. Неподвижная, мертвая луна цепляется за кроны сосен, чертит на волнах дорогу, прямую и четкую, как след мела на классной доске, касается тусклым лучом стен старой церкви за круглым прудом, затянутым ряской. И тонет в наплывающих тучах.

Ветер гонит волну за волной в заливе и, словно клавиши фисгармонии, перебирает колокола на колокольне. Но они молчат. Ветер крепчает и приводит с собой прилив. Вода прибывает и, кажется, вот-вот разрушит единственную преграду — узкую полосу песка, именуемую Косой, защищающую от холодных волн церковь, пруд, старое, заросшее бузиной и боярышником кладбище и тропинку-змеяку, уводящую в дюны.

Но постепенно ветер стихает, и все затихает вместе с ним — море, песок, луна. Серебряная полоса на воде снова выглядит четкой и прямой, словно указывает путь — из моря на сушу к старому пруду, похожему на потерянное в камышах зеркало. Лунные блики мерцают на черной, пахнувшей илом воде. Но вот раздается громкий всплеск, точно крупная рыба ударяет хвостом. И снова все тихо. Легко плескаются небольшие волны у топкого берега, расходятся кругами от середины пруда, качают в камышах темной заводи мертвое тело, разбухшее и безобразное, объединенное рыбой и раками, мало уже похожее на человеческую плоть, больше на гнилую колоду, источенную червями.

И вот новый всплеск. В лунном свете что-то мель-

кает. Лунные блики. Или блеснула чешуя крупной прожорливой рыбы. А потом — руки (или это сон?), мощные сильные руки пловца, рассекающего гладь воды, подобно торпедо. И снова всплеск. И блеск чешуи. Брызги и круги по воде. Как будто только что кто-то нырнул на самое дно — рыба, пловец?

И тишина снова смыкается над прудом. А потом ее разрывает тяжелый утробный гул мотора. На откос дюны из темноты выползает ржавый танк с бело-черным крестом, намалеванным на башне. Гусеницы взрывают песок, лязгают. Танк останавливается у самой воды. Мотор ревет, словно преодолевает препятствие, и гусеницы лязгают вхолостую. Но ничего не отражается в черной воде — ни угловатый силуэт бронированной башни, ни черно-белый крест, ни пушка, ни с грохотом откинута крышка люка. Ничего. Гул мотора стихает, и танк, как мираж, начинает медленно таять, рассыпаясь в лунном свете. И вот на его месте лишь облако пепельного тумана. Самого обычного тумана, окутывающего и дюны, и залив в предрассветный час. Хотя обычный туман вряд ли увидишь во сне. Когда спишь и так ясно, так мучительно ясно понимаешь, что ты спишь и видишь сон, что спишь...

Человек, раскинувшийся на смятой постели, заворочался, застонал, повернулся на бок, протянул руку и пошарил на подоконнике у изголовья кровати, ища часы. Окно в комнате было открыто настежь, и ветер вздувал белые занавески, как паруса. Где-то в темноте над кроватью тонко гудел комар. Человек сел на постели. Отодвинул занавеску — над заливом клубился серый туман. Мутные клочья скрывали полосу берега, сосновую рощу, кладбище. Из тумана выступал лишь силуэт церковной колокольни. Доносилось звонкое кваканье лягушек. А потом послышался всплеск, точно кто-то с силой ударил по воде хвостом или лопастью весла. И лягушки испуганно смолкли.

Человек быстро потянул на себя створки окна, хлопнул их, защелкнул шпингалет. И плотно задвинул занавески.

Глава 1

ПРИБЫТИЕ

Никому нельзя верить. В наше время легче потерять веру, чем телефонную карточку. Катя — Екатерина Сергеевна Петровская, в замужестве Кравченко — убедилась в этом на собственном горьком опыте. Нет, никому нельзя верить!

Даже мужу. Но все по порядку. Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., клятвенно обещал еще 31 декабря: будущий отпуск проведем вместе у моря. Наступил июль, и муж как отрезал: бери отпуск, айда. И Катя сломя голову кинулась по начальству подписывать разные служебные бумаги, потому что попробуйте иначе уйти в отпуск в разгаре лета в таком строгом госучреждении, как ГУВД Московской области, где весь личный состав на учете и всегда под ружьем на каком-нибудь очередном усилении. И пока она оформляла и подписывала бумаги (а на это ушло немало времени), муж вел себя весьма загадочно. Привозил домой какие-то странные громоздкие баулы, коробки. А однажды вечером объявил, что авиабилеты уже взяты на восемнадцатое июля. Катя обрадовалась, однако на все ее вопросы, куда, собственно, летим — в Сочи, в Ялту или, может, в солнечную Албену или в прикольный Дубровник — Драгоценный В.А. таинственно отмалчивался, веско обещая некий сюрприз.

И сюрприз состоялся. Да такой, что у Кати ноги подкосились, когда в Шереметьеве объявили регистрацию на рейс Москва — Калининград и Кравченко, подхватив впавшую в ступор подружку жизни, баулы, чемоданы и прочий громоздкий багаж, повлек все

это с песней к регистрационной стойке. Уже в самолете, когда убрали трап и просто невозможно было покинуть борт «Ила», не сломав себе ноги, Катя узнала, что вместе с Драгоценным примерно через полтора-два часа совершит посадку в этом самом Калининграде. И в аэропорту их встретит друг детства Кравченко Сергей Мещерский, и оттуда опять же с песней они на машине поедут в сторону Светлогорска и еще дальше, дальше, на Куршскую косу, на побережье студеного, хмурого, серого, жуткого, мрачного, дождливого, чухонского Балтийского моря. Где и проведут «потрясные» — Кравченко даже присвистнул от удовольствия, произнося это кощунственное слово, — две недели среди воды, сосен, песка и бодрящего северного ветра.

— Мы с Серегой еще месяц назад потихоньку начали готовиться, — сообщил Кравченко, пристально наблюдая за выражением Катиного лица. — Он обещает мировую рыбалку. Там даже катер есть.

Самолет вырулил на взлетную полосу. Разбег, отрыв и...

— Что в сумках? — спросила Катя, когда они набрали высоту.

— Так, мелочи. Серега просил кое-что подобрать — кое-какая аппаратура для дайвинга: акваланги, потом снасти, прикормка для рыбы.

— Удочки? — медленно спросила Катя, следя глазами за стюардессой, появившейся в проходе с тележкой, уставленной напитками.

— Ну да, вроде. — Кравченко снова внимательно посмотрел на жену. — Ты что будешь пить — сок, минералку?

— А динамита нет? — с надеждой спросила Катя.

— Чего?

— Динамита, чтобы рыбу глушить?

Кравченко с любопытством повернулся.

— Если есть, — продолжала Катя, — лучше сразу отдай — я все равно на эту косу умру — не поеду. Станем жертвами авиакатастрофы.

— Что желаете? — спросила подъехавшая со своей тележкой стюардесса.

— Белого вина и красного тоже, будьте добры, — Катя сумрачно кивнула на маленькие пластиковые бутылки. Забрала их у стюардессы, минуя алчно протянутую руку Драгоценного В.А. — Это все мне. А мужу, пожалуйста, если есть, боржоми.

Кравченко ненавидел боржоми с детства, когда по причине частых ангин его поили этой целебной бурдой пополам с отвратительно горячим молоком.

Катя протерла салфеткой пластиковый стаканчик и налила себе белого вина. Выпила. Кравченко взвешивал на руке бутылку боржоми. Не решался.

— Ну, мягкой посадки, — Катя чокнулась с этой его бутылкой вторым стаканом уже красного вина. — Радуйся, мерзавец, что нет динамита.

— И совсем не остроумно. Плоско, — буркнул Кравченко. — Хотел же как лучше. Сюрприз тебе. Мы с Серегой головы ломали, как бы классно отдохнуть, без напряжения. Ну, потом он и подыскал вариант. Это ж русская Прибалтика, почти заповедные места. Понимать надо. Тишина, дюны, прибор. Рыбалка, катер — ах да, это я уже говорил...

— А где мы будем жить? — прошипела Катя. — Нору, что ли, вырою в твоей дюне под сосной, как кролики? Или... только не пугай меня, ты что — палатку купил?

— Да нет, Серега все устроил, не волнуйся. Я вообще-то точно не знаю, но... У них там свой туристический маршрут.

— Акваланги-то зачем?

— Как?! За янтарем нырять!

— А ты разве когда-нибудь занимался дайвингом?

— А чего им заниматься? — Кравченко без всяких усилий пальцами скovyрнул пробку с бутылки. — Плевое дело. Нырнул и дыши.

— Ну а я-то что там буду делать? — уже капитулируя, спросила Катя. — Вы по целым дням рыбу будете ловить, а я?

— А ты выйдешь с нами в море, наловишь трески и

килек. Эх, шаланды, полные кефали... Да загорать ты будешь круглые сутки, на пляже коптиться, купаться. Самый сезон в разгаре. Жара!

Катя с тоской вспомнила курортный кошмар детства — Юрмалу, Палангу, Дзинтари, Мерейрано, куда любили ездить родители. И везде, по всему Балтийскому побережью от Литвы до Эстонии, когда ни приедешь летом — ветер, комары, изморось с неба и сырость, пробиравшая до костей. И море — холодное и мелкое на два километра от берега, воробью утопиться. Где это они там собрались нырять с аквалангом?

— Я вас просто убью, — пообещала она, снова впадая в трагический тон, — вот только приземлимся, прямо там сразу в аэропорту и прикончу и тебя и Мещерского. Я знаю, чья это идея! Кто тебя подбил на эту авантюру. Ведь мы же собирались на Красное море!

— В январе, счастье мое. — Кравченко поудобнее устроился в кресле и мечтательно прикрыл глаза. — И вообще, я не узнаю тебя. Неужели тебе не интересно увидеть трофейный Кенигсберг?

Катя налила себе остатки вина. Лучше напиток сразу в самолете, тогда проще будет воевать с ними на земле. С этими предателями и обманщиками. Мысленно она перебрала весь багаж, ища предмет поуверситее, потяжелее, каким легко и с пользой можно было огреть и Драгоценного, и его закадычного дружка по их лживым пустым головам. И тут же с ужасом вспомнила, что не взяла ни зонта, ни дождевика. И из теплых вещей не взяла почти ничего — джинсы и свитер.

«Ну и хорошо, ну и пусть. Пусть я там замерзну, в сосульку превращусь, пусть заболею, пусть умру», — подумала она, чувствуя, как по телу разливается приятное тепло от смеси красного и белого сухого.

Сели ювелирно и мягко. Похлопали командиру корабля за то, что довез, не угробил. Было 11 часов 20 минут. Над Калининградом сияло ослепительное солнце. Термометр на фасаде здания аэропорта показывал двадцать восемь градусов в тени.

Мещерский встретил их в зале прилета в пляжных

бермудах и белой футболке с гигантским иероглифом на спине.

— Вадим, Катюша, я здесь! Оставь, оставь сумку, тяжелая. Я сам, — он вертелся как маленький смерч и... И Катя выпустила из рук ремешок дорожной сумки, которым примерялась, как бы половчее огреть обоих этих врунов, когда отвернется аэропортовский охранник. Мещерский схватил сумку и звонко, пылко чмокнул Катю в щеку. Он был небрит, но свеж, радостен и улыбчив, как ребенок.

— Ни на секунду не опоздал самолет. А я думал... — Кравченко с достоинством приветствовал друга крепким рукопожатием.

— Что, были какие-то проблемы с самолетом? — встревожился Мещерский.

— Да нет... Правда, кое-кто интересовался, не везем ли мы динамит, рыбу глушить.

— Что? — Мещерский едва не уронил баул. — На таможне, что ли, цеплялись?

— Не слушай его, Сережечка, — вздохнула Катя, — лживый прохиндей, не слушай его.

— Расстраивается, — сообщил другу Кравченко, — еще никак не свыкнется с мыслью, что попала сюда.

— Надо было заранее подготовить. Я же тебя предупредил, — виновато и воровато (как показалось Кате) шепнул Мещерский.

— Тогда бы фиг вырвались. Арриведерчи и рыбка, и катер... Ну, давай, командуй. Где тачка? Куда вещи грузить?

На стоянке аэропорта их ждала машина. Маленький такой джип. Оказалось, что и не джип вовсе, а какой-то там корейский «Спортаж». Мещерский заявил, что это машина сотрудника их фирмы «Столичный географический клуб», имеющей на Куршской косе свои «пункты приема и размещения туристов». Катя забралась в машину. Ей было уже все равно. От смеси белого и красного, от мягкой посадки, двадцати восьми градусов по Цельсию ее клонило в сладкую дрему. Ей было даже не любопытно, как такое количе-

ство вещей поместится в багажник этого «Спортажа». И как втиснется в него почти двухметровый Кравченко. Но все как-то рассосалось. Часть баулов приторочили на верхний багажник. Кравченко тоже сложился пополам.

Мещерский бодро юркнул за руль, завел мотор. Эта машинка была точно скроена по его маленькой фигурке. За рулем этого игрушечного джипа он чувствовал себя крутым. Это было видно по его довольному лицу. «Ой, жулики несчастные», — подумала Катя и погрузилась, точно в мягкую перину, в дремоту. А когда открыла глаза, первое, что увидела, — синий дорожный указатель «Советский проспект, на Светлогорск».

— Проспала, дорогуша, весь Калининград, — сообщил Кравченко.

Катя повернулась к окну. Посмотрела на сияющее небо. Странно, а где же дождь? Балтика ведь, а дождя ни капли.

— Обещают чудесную погоду, — вещал Мещерский, искоса поглядывая на Катю. — Прогнозы точные. И береговая служба тоже... Ни одного красного вымпела. Море как блюдце. Только вот соляркой для моторки надо загодя запастись, а то в пик сезона там нарваться можно на...

— Там — это где? — спросила Катя.

— Там, куда мы едем, — вместо Мещерского ответил Кравченко. — Сюрприз, радость моя, все еще продолжается.

Шоссе повернуло на северо-запад. Мелькали поселки, поля, а затем началось что-то вроде тенистой старой аллеи — деревья стояли вдоль шоссе, как солдаты на параде. И вдруг на горизонте всплыла округлая вершина, нависла над окрестными холмами зеленой шапкой — гора, заросшая хвойным лесом.

— Гильтгарбен, — указал в ее сторону Мещерский. — Местная гора сказок. По легенде, там, на вершине, было последнее капище древних пруссов. А священный дуб, росший там, по преданию, срубил сам святой

Адальберт, за что пруссы-язычники предали его мучительной казни. Правда, насчет места казни, указывают еще и мыс Пиллау, недалеко от Балтийска. Но многие считают, что святого убили именно здесь, на горе Гильтгарбен. Темное место... Его в старину почитали не меньше, чем знаменитый Брокен.

Катя смотрела на заросшие лесом склоны «зеленой шапки». И чувствовала, что от ее полудремы, лени, усталости, равнодушия и раздражения не остается и следа.

— Кто этот Адальберт? — спросила она.

— Креститель пруссов, местный мученик, весьма почитаемый в прошлом. Между прочим, там у нас в Морском его церковь.

Так Катя впервые услышала название места, куда они направлялись, — Морское. Позже Мещерский назвал и старое немецкое его имя — Пилькоппен.

Дорога снова повернула и вновь озадачила их: указатель сообщил, что до Светлогорска десять километров. По левую сторону от дороги Катя снова увидела холмы, поросшие редким лесом. Почва была светлой, песчаной, и деревья четко выделялись на фоне песка и ярко-синего неба. Старые ели караулили въезд в узкую тенистую ложину у подножия холмов. А дальше, у горизонта, поблескивала бирюзовая полоса. Катя не поверила своим глазам: цвет моря был совершенно не похож на тот, что она готовилась увидеть. Море было как на юге. Катя оглянулась на Кравченко. Тот хмыкнул. Весь вид его говорил — ну что? Убедилась?

Но в Светлогорске они не остановились. Мещерский сделал небольшой крюк и у развилки шоссе свернул в сторону Романова.

— Вот примерно отсюда и начинается коса, — сказал он. — И поверь мне, Катюша, ты не пожалеешь, что приехала сюда.

Слева были сосновые леса и синева моря. В небе — чайки. Вдоль дороги крутые склоны дюн. И маленькие рыбацкие поселки, состоящие из приземистых, непохожих на наши домов с остроконечными черепичными крышами. Они были похожи на пряничные избуш-

ки из немецкой сказки, а вблизи оказались облупленными, тронутыми штормами и непогодой.

А потом и справа заблестела вода. Мещерский сказал, что это залив. И снова резко и зло кричали чайки, дерущиеся за рыбу. И шоссе, залитое солнцем, было почти пустым, дачным. Редко-редко навстречу попадался грузовик или подержанная, но все еще шустрая иномарка.

— Маяк. — Мещерский кивком указал налево, в сторону моря. Катя увидела башню, похожую на черную шахматную ладью. Шоссе утонуло в густом сосновом лесу, и за темно-зелеными кронами стало не видно ни маяка, ни моря, ни залива. Только чайки кружили высоко в небе. Мещерский, точно заправский гид, рассказывал, что это очень старая почтовая дорога, что вот слева развалины знаменитой некогда орнитологической станции Гиннеманна. Что лес, подступающий к самому морю, — это отроги знаменитого заповедного леса. Что вообще коса — это такое место, которое надо открывать для себя постепенно, шаг за шагом, потому что никогда не известно, что ждет тебя здесь за поворотом, какой вид.

— Катька, смотри! — присвистнул Кравченко от удивления. И Катя увидела издали Высокую Дюну (так ее назвал Мещерский) — огромный конический холм из золотистого песка, словно вырастающий из морской глади. А потом сосны плотно сомкнулись, замелькали как частокол и вдруг снова разошлись как по команде в разные стороны, зеленый луг и церковь над круглым, как зеркало, прудом, заросшим ряской, затененным старыми ветлами, склонившимися к самой воде.

— Почти приехали, сейчас поворот на Морское, и мы дома. — Мещерский сбавил скорость. — Тут напрямик через кладбище и дюны совсем близко, рукой подать.

— А где тут кладбище? — спросил Кравченко, закуривая в окно.

— Да вот же оно. Старое, немецкое, — Мещерский кивнул на луг, на ветлы, липы и кусты бузины. —

Здесь все с войны заброшено. А там, в ложбине у подножия дюны, говорят, «Тигр» подбитый раньше стоял и наша «тридцатьчетверка». Они друг друга прямым попаданием порешили, когда тут бои шли в сорок пятом. Песком их занесло. Здесь пески зыбучие, двигаются. Тут много техники раньше ржавело. Мне Базис рассказывал. Ну и не только... Тут вообще много чего в песке можно было найти.

— Что, например? Подбитый «мессер» или фаустпатрон? — хмыкнул Кравченко. — Базис-то — это кто такой будет?

— Это наш Илья Медовников, к кому и везу вас. Он тут обосновался, прямо корнями врос. Они с женой Юлией все для туризма наладили, просто настоящий базис заложили. Его и прозвище тут такое. Он вообще славный. — Мещерский улыбнулся, словно кое-что вспоминая. — И руки у него золотые. У него тут ведь еще гараж-автомастерская. Ну, правда, слабости кое-какие есть. Но на нашем бизнесе это никак не отражается. За клиентов-отдыхающих они с женой прямо горой стоят. Сервис держат на уровне. Ну а насчет остального, насчет слабостей... Юлия, думаю, сама с этим благополучно справляется.

— Ты что-то плетешь, плетешь, дорогой, а я что-то ничего не понимаю. — Катя смотрела в сторону пруда и церкви. Они уже подъехали достаточно близко. И тут она что-то увидела.

В первый миг ей показалось, что это церковь, именно эта церковь подействовала на нее как удар током. Церковь, как и маяк над заливом, была похожа на шахматную ладью гигантских размеров. Только сложена она была не из грубого камня, как маяк, а из темно-красного кирпича. И лишена башенных зубцов, а вместо них увенчана высокой колокольней со шпилем без креста. Фасад рассекали высокие узкие окна. Пять окон на мощном кирпичном фасаде. И одно лепилось у самой крыши, у основания шпиля. И в этом окне, на высоте почти тридцати метров над землей, прудом и кладбищем Катя увидела человека.

Он стоял на подоконнике, упиравшись растопыренными руками в оконный проем, и, казалось, вот-вот готов был броситься вниз.

От неожиданности Катя лишилась дара речи.

— Нет, ты смотри, что делает, сейчас же в лепешку расшибется! — крикнул Кравченко. И Катя поняла — это не фантом и не морок. Вадим тоже это видит.

Мещерский так резко нажал на тормоза, что в маленьком корейском джипе что-то звякнуло, как в банке с леденцами. Катю основательно трянуло. Наверное, от этой встряски ее осенила поистине пророческая мысль: «Ну, началось! Влипли!»

Глава 2

DIE CHRISTLICHE PFLICHT¹

Человек балансировал на подоконнике, словно одновременно желая и не решаясь оттолкнуться руками от сводчатых стен и ласточкой или камнем (это уж как бог пошлет) сверзиться вниз. Выглядело все это до безобразия нелепо и почти забавно, если бы не тошнотворный липкий страх, разом подкативший к Катиному горлу при одном только взгляде на...

— Halt!

Резкий окрик разорвал тишину. Чужая повелительная команда, ясная даже без перевода.

— Halt! Стоять! Я умоляю стоять! Не ходить! Умоляю тебя держать!

Голос, оравший всю эту тарабарщину, был высоким, мальчишески-сорванным, отчаянно зывающим о помощи. И тут Катя увидела на площадке перед церковным фасадом худого, коротко стриженного блондина в запачканных известкой рабочих штанах и линялой серой футболке. На вид ему было за тридцать, и своими резкими суетливыми движениями (он метался

¹ Христианский долг (нем.).

по площадке, не спуская глаз с человека в окне под шпилем) он походил одновременно на кузнечика и на сломанную марионетку, которую неумелые руки кукловода беспорядочно дергают сразу за все нити. Возле блондина валялось брошенное ведро извести и малярная кисть.

— Я умолять не смотреть вниз! Mein Freund Ivan!¹ Умолять спускаться!

— Пьяный или накололся. — Катя услышала голос Кравченко — вместе с Мещерским они подошли к блондину, прервав его очередной отчаянный вопль. Он резко обернулся.

— Он убивать себя так! Он уже раз убивать, его спасти. А теперь нет — он там, высоко, — блондин левой рукой ткнул вверх, а правой как клещ впился в плечо испуганного Мещерского. — Он кричать, если я ходить туда вверх (новый тычок в сторону колокольни), он прыгать быстро сюда (жест в сторону мощенного плитам двора). Я умолять вас идти вверх снимать. Я тут с ним говорить, отвлекать. Es ist Schockierend²!

— Ладно, поняли мы, ты только погромче ори, — буркнул Кравченко. — Сдается мне, у него шок от твоего вопежа, он и прыгать-то не очень спешит. Колеблется. Мы идем. — И он подтолкнул изумленного Мещерского в сторону церковных дверей. До Кати долетел жалобный вопль — на этот раз Мещерского:

— Но надо хотя бы спросить у него, как подняться на колокольню!

И мрачный ответ Кравченко:

— Пока узнавать будем, этот наверху мозги свои в пол впечатает... Иди уж, разберемся. Там какая-нибудь лестница все равно должна быть.

И они скрылись в церкви. Скрипнула, захлопнувшись, тяжелая дубовая дверь на тугой стальной пружине. Катя растерянно посмотрела на блондина. Все

¹ Мой друг Иван! (нем.).

² Это шок.

произошло так быстро. Блондин вдруг резко вскинул руки вперед, словно сам собирался куда-то прыгать, стиснул пальцы, точно умоляя о чем-то всевышнего или воображая, что таким способом ему удастся удержать самоубийцу на подоконнике. Катя посмотрела вверх и лишь тут поняла, что человек на колокольне почти голый — на нем ничего не было, кроме пестрых плавок.

— Mein Freund Ivan! — Блондина вдруг прорвало, как плотину весной. — Das Leben...¹ Жизнь нельзя убить! Человек убить нельзя, сам себя нельзя!

«А если и мне сейчас крикнуть, — вдруг подумала Катя, — жизнь — это просто конфетка, вишня в шоколаде, поэтому слезай оттуда, паразит несчастный, сию же секунду!» Но крикнуть она не смогла, да и не успела бы, даже если бы решилась, — слышался какой-то шум: треск сломанных досок, вопль изумления и гнева. Его издал человек на подоконнике. Он опустил руки и нагнулся, намереваясь спрыгнуть, но словно какая-то невидимая сила рванула его за плавки, стащив с подоконника. Слышались яростные протестующие вопли. Потом наступила гробовая тишина.

Блондин заворуженно смотрел на колокольню, точно не веря в чудо спасения. А потом перекрестился коротким жестом католика.

— Ну, слава богу, — вырвалось и у Кати, — кажется, они успели.

Блондин глянул на нее так, словно только что увидел. Глаза его внезапно наполнились слезами. И Катя была готова поклясться, что слезы были совершенно искренними, столько в этих серо-голубых печальных тевтонских глазах было горячей благодарности, облегчения и религиозного восторга.

— Я молиться. Они его спасти, — он тяжело перевел дух. — Кто они?

— Это мой муж и его товарищ, — вежливо ответила

¹ Жизнь...(нем.).